

Вадим Козюлин, Галия Ибрагимова

АФГАНИСТАН: ЧТО ЕГО ЖДЕТ И ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ ДЛЯ РОССИИ

Последние события в мире – на Ближнем Востоке и на Севере Африки – открывают возможности для новых сил. Тираны волнуются, порой огрызаются, но в принципе готовы идти на уступки. С трудом верится, что для смены ненавистных правителей требовалось всего лишь изобрести *Twitter*.

Глобальные перемены открывают новые горизонты и для *Аль-Каиды*. Без сомнения, фундаментализм также получил второе дыхание. Его позиции могут быстро укрепиться на почве того, что демократические перемены едва ли дадут скорое улучшение жизни для революционных народов. С этой проблемой, вероятно, еще придется столкнуться западной цивилизации. И силовые методы, практиковавшиеся в Афганистане и Ираке, будут непригодны в новых условиях.

Новые яркие идеи и масштабные программы сегодня могли бы преобразить жизнь в важнейшем нефтеносном регионе планеты. Но США и Евросоюз увязли в Ираке и Афганистане. Две страны поглощают гигантские ресурсы, множат примеры бездумного расточительства и оставляют минимум надежд на возможность новых конструктивных проектов.

Президент США Барак Обама назвал срок начала вывода коалиционных войск из Афганистана – июль 2011 г.

КАКОЙ АФГАНИСТАН АМЕРИКАНЦЫ ОСТАВЯТ ПОСЛЕ СЕБЯ?

Американский сценарий мира в Афганистане по ходу войны изменялся несколько раз, и на сегодняшний день выглядит примерно так: военные успехи ослабляют *Талибан* и *Аль-Каиду*; коалиционные силы ведут ускоренную подготовку афганской армии и полиции, которые в скором будущем примут на себя ответственность за безопасность в стране; параллельно проходят переговоры с *умеренными* талибами об их участии в будущем мирном строительстве; всеобщие выборы, формирование парламента и коалиционного правительства с участием талибов открывают для Афганистана путь демократического развития. Перековавшиеся талибы получают прощение, вознаграждения и должности, а *Аль-Каида* остается вне закона.

Операция в Афганистане отделила сторонников президента Карзая от его противников по этническому признаку: офицерский корпус афганской армии с подавляющим преимуществом составляют таджики. Всякий раз, когда афганские вооруженные силы пытаются взять под контроль территории пуштунов, население *освобожденных* районов отказывается признавать главенство таджиков, привнесенное на американских штыках. Наиболее протестная часть афганского населения – пуштуны – вынуждена поддерживать *Талибан*, несмотря на то, что в примитивной идеологии *Талибана* немного привлекатель-

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
М
О
К

ного для пуштунских бойцов. *Талибан* для них означает национально-освободительное движение, афганский *Resistance*.

Талибан уже выиграл войну; талибы останутся в Афганистане, с американцами или без них. Уклоняясь от прямого столкновения с танками и авиацией, боевики перешли к партизанской тактике, и эта мера себя оправдала. Талибы сохранили бойцов и вооружение, приобрели навыки противостояния высокотехнологичной армии.

По мнению американского командования, все боевики в Афганистане, за исключением аль-каидовцев и иностранных талибов, имеют шансы на *прощение*. Три крупные группировки повстанцев, вероятно, останутся частью политического ландшафта Афганистана после войны: возглавляемый муллой Омаром *Талибан*, чьи позиции особо сильны в провинции Кандагар; группировка Сираджа Хаккани, позиции которого сильны на юго-востоке страны; и Исламская партия Афганистана Гульбедин Хекматияра на северо-востоке Афганистана.

Отряды наиболее боеспособного и опасного для коалиционных войск полевого командира *Талибана* Сираджа Хаккани нашли убежище в провинции Северный Вазиристан в пакистанской зоне племен¹. Личное знакомство с Бен Ладеном, отличное владение арабским языком обеспечивает Хаккани серьезный авторитет среди *арабских афганцев* и дает основания считать его убежденным сторонником глобального джихада против Запада. Хаккани объединяет пуштунов из оппозиционно настроенного к правительству Хамида Карзая племя *задран*, но также принимает в свои отряды и выходцев из арабских стран: Турции, Узбекистана, Северного Кавказа. В результате атаки американцев Хаккани потерял несколько членов своей семьи, и стремление отомстить за их смерть, вероятно, станет непреодолимым препятствием для диалога с центральным правительством. Главным покровителем группировки Хаккани является мулла Мохаммад Омар, но известно, что и Пакистан покровительствует этому командиру в надежде использовать его группировку в качестве козыря в будущей игре за собственные интересы в пост-американском Афганистане.

Свой политический вес Гульбедин Хекматияр приобрел еще во время войны 1979–1989 гг., и в этом ему помогла материальная и финансовая помощь от американских спецслужб и Саудовской Аравии. Воевал с талибами, и в 1995 г. был ими разбит, но уже в 2002 г. заявил о переходе на сторону талибов «до изгнания иностранных интервентов». В 2003 г. Госдепартамент США объявил его международным террористом. Это заставило Хекматияра занять радикальную позицию в отношении правительства Хамида Карзая и сформировать обновленную *Хезб-и-Ислами*.

Соглашаясь сегодня на переговоры с Карзаем, Хекматияр вовсе не собирается играть по американским правилам, он сформировал *дорожную карту*, в основе которой лежат 15 условий, и главные из них – полный вывод коалиционных войск, передача контроля над безопасностью в стране местным армии и полиции, амнистия политзаключенным и только после этого проведение парламентских и региональных выборов.

Мохмаад Омар – основатель и духовный лидер движения *Талибан* – не успел получить глубокого образования, но зато получил четыре ранения в сражениях против режима Наджибуллы. Не наделенный ни харизмой, ни ораторскими талантами, он принял из рук 1200 религиозных вождей пуштунов титул *вождя правоверных* и эмира Афганистана – символ власти, с которым не сможет соперничать ни один лидер моджахедов. *Талибан* будет реальностью, с которой придется иметь дело в постамериканском Афганистане. Благодаря гибкой структуре *Талибану* до сих пор удавалось избегать раскола в своих рядах, при этом сохраняя подчиненность единому лидеру мулле Омару. Среди его ближайших помощников замечены представители разных поколений, что говорит о преемственности в руководстве.

Наблюдателей, безусловно, ожидает удивительный спектакль: представители коалиции демократических стран Запада пожимают руки *умеренным* талибам. Умеренным – значит не тем, которые хотят уничтожить Америку, а всего лишь тем, которые отрезают руки за воровство, носы и уши – за сбритые бороды, забивают камнями за прелюбодеяния и вешают за гомосексуализм. Сама по себе готовность сесть за стол переговоров с про-

тивниками телевидения и радио, неисламских памятников и женского образования говорит о серьезности положения, в которое завела западную цивилизацию американская самоуверенность.

Соединенные Штаты сделали ставку на Хамида Карзая. В годы войны против советской оккупации пуштун Хамид Карзай не пачкал рук черновой боевой работой: начав с финансового сектора, затем он перешел на дипломатическую службу и стал заместителем министра иностранных дел в правительстве Раббани. В июне 2002 г. Лойя Джирга под охраной германских солдат избрала его президентом страны. Пройдя через сомнительные выборы в 2004 и 2009 г., Хамид Карзай сохраняет этот пост.

Для того чтобы сохранить Афганистан единым, Карзаю потребуется обеспечить лидерство пуштунов в руководстве страны. Пуштуны составляют чуть более половины афганского населения. Это самое воинственное из афганских племен никогда не согласится жить при режиме, где главенствуют не пуштуны. Призрак Северного Альянса пугает пуштунских военачальников. В их представлении члены Северного Альянса – афганские таджики, узбеки, туркмены, киргизы и даже хазарейцы – сообразно своим корням находят национальную идентичность и источник влияния не в Афганистане, а на исторической родине – в Центральной Азии, Иране и Турции.

Выходец из влиятельного племени дуррани, Хамид Карзай связан корнями с пуштунским государствообразующим этносом Афганистана, в среде которого он, впрочем, не имеет особого авторитета. Карзай пытается соблюсти национальный баланс в своем кабинете, привлекая к сотрудничеству политических *тяжеловесов*: первым заместителем президента Афганистана назначен маршал Мохаммад Касим Фахим, за которым стоит офицерский (преимущественно таджикский) корпус; вторым заместителем президента стал Мохаммад Карим Халили, представляющий интересы хазарейцев; глава Генштаба генерал Абдул Рашид Дустум – знаменитый полководец узбекских войск Северного Альянса; министр обороны – Абдулрахим Вардак, пуштун с боевым прошлым из провинции Вардак. Не забыт и гендерный фактор: в кабинете Карзая три министра – женщины, а в парламенте Афганистана женщин больше, чем в Конгрессе США.

Пребывание коалиционных сил в Афганистане создает проблемы для внутриафганского урегулирования: американское присутствие, с одной стороны, приучает правительство Карзая к иждивению, а с другой стороны, не позволяет начаться переговорам с представителями *Талибана*. Стремление американцев *держат руку на пульсе* за счет подкупа государственных чиновников формирует в руководстве страны атмосферу нервозности и недоверия, но также наносит вред изрядно потрепанным демократическим ценностям, которые афганские государственные мужи принуждены усваивать через стяжательство и доноительство. Коррупция афганских властей – это в какой-то мере реакция на низкий авторитет западной идеологии: афганские руководители осознают себя служителями чуждого культа, и их страдающая мораль находит компенсацию в коррупции.

Талибан ведет войну не только против интервентов, но в значительной мере против западной идеологии, принесшей невиданную коррупцию и пагубную перемену в устоях афганского общества. Те, кто за деньги либо за идею доверился новой администрации – кандидаты в депутаты, главы местных администраций, женщины-активистки, судьи, полицейские, местные сотрудники благотворительных и неправительственных организаций – становятся целями и жертвами боевиков. Коррупция усиливает конфликт в обществе. Идеологический конфликт будет искать свое военное решение. Кроме этого, он был и будет поводом для создания альтернативных органов власти талибов. Вовлечение экстремистов в управление страной будет понято их сторонниками как индульгенция на новые подвиги, как подтверждение того, что *Талибан* уже невозможно вычеркнуть из политической жизни Афганистана.

Для убедительного *happy end'a* Соединенным Штатам необходимо отыскать ключ к проблеме *Талибана*. Возможно, для этого понадобятся новые люди. На месте Карзая может появиться более успешный менеджер с сильной харизмой, без груза ошибок и ярлыка марионетки. Умеренный религиозный лидер подошел бы для этой роли лучше всего. Подобная рокировка власти удалась американцам в Ираке в 2006 г., когда назначен-

И
М
И
П
Р
А
Т
Н
Е
М
О
М
К

ный премьер-министром Нури Аль-Малики сменил Иракское временное правительство и стабилизировал ситуацию.

Обнаруженные в стране запасы минеральных ресурсов, которые некоторые американцы поспешили объявить подспорьем в демократизации Афганистана, на деле лишь добавят радикализма, поскольку все богатства в исламской стране считаются даром Аллаха и должны служить исламу. Таким образом, экономическое развитие Афганистана будет укреплять религиозную, исламистскую основу общества. Нефте- и газопроводы, линии электропередач и транзитные автодороги, если они будут построены, позволят наполнить национальный бюджет, и тогда у новой афганской элиты появятся средства и интерес нести свои религиозные воззрения дальше – на Север.

Соединенные Штаты поспешат закрыть эту страницу своей истории и переключиться на решение других масштабных международных проблем. Например, займутся ближневосточным урегулированием. Надзор за афганскими процессами будет *передоверен* соседним государствам. Это приведет к быстрому воскрешению Северного Альянса и восстановлению каналов поддержки его участников со стороны государств Центральной Азии.

Итак, в Афганистане сложится знакомый по 1990-м гг. расклад сил, когда соседствующие страны поддерживали близкие по вере и этносу группировки. Новизна в этой знакомой ситуации, возможно, принесет вовлечение в процесс мирного урегулирования Китая и ШОС. Соединенные Штаты и страны коалиции постараются оснастить территорию Афганистана и вокруг него электронными системами мониторинга, а в афганском обществе будет сформирована армия информаторов. США примут на себя значительную часть финансового бремени по поддержанию центрального правительства, но при этом будут постоянно требовать от соседних государств увеличения их доли участия в поддержании афганского мирного процесса. Формирование эффективных сил национальной безопасности Афганистана останется трудной задачей для коалиционных сил. Хамид Карзай видит перспективу в формировании местных сил самообороны – сельской милиции, что на практике может обернуться тривиальной раздачей оружия населению. Афганскому правительству будет трудно контролировать армию и полицию, где, помимо дезертирства и некомпетентности, процветает коррупция. Зато из таких вооруженных сил могут легко получиться организованные вооруженные формирования, готовые служить интересам племени, клана или полевого командира.

Может показаться, что у нынешнего афганского правительства нет шансов продержаться без поддержки коалиционных сил, в прямом противостоянии с *Талибаном*. Но это не вполне так. Моральный дух *Талибана* сегодня крепок, как никогда, талибы могут рассчитывать на поддержку или сочувствие большинства пуштунов в Афганистане и Пакистане, им на помощь будут готовы прийти экстремисты и религиозные радикалы со всего региона. Но как бы ни был нелюбим всеми президент Карзай, в борьбе против общего врага ему помогут бывшие лидеры моджахедов Раббани, Сайяф и Дустум, а при определенных обстоятельствах – и лидер *Хезб-и-Ислам* Хекматияр. Сформированные за 10 лет американского присутствия в Афганистане государственные институты власти – армия и полиция, суды, государственные исполнительные органы – это еще слабый, но способный к самоорганизации перед лицом опасности механизм. Но главный ресурс афганского правительства – силы и ресурсы США, государств коалиции и всех государств региона. Новизна и радикальное отличие нынешней ситуации от той, что была накануне ввода коалиционных сил в Афганистан, состоит в том, что сегодня сложился абсолютный глобальный консенсус в поддержку режима Хамида Карзая. Этот мощный источник международной поддержки не позволит *Талибану* получать достаточно вооружений и ресурсов для ведения иных, кроме партизанских, боевых действий, в то время как режим Карзая будет обеспечен оружием и разведданными, продовольствием и стройматериалами, деньгами и моральной поддержкой.

После ухода коалиционных сил *Талибану* предстоит пережить идейный кризис, когда идеологическая база, побуждавшая афганцев к борьбе против завоевателей и неверных, исчезнет, а продовольственные и социальные проблемы, связанные с экономическим эмбарго против талибов, будут накапливаться. Активность Пакистана, вынужденного

продвигать в Афганистане собственные интересы, напомним о чужестранном – пакистанском – происхождении *Талибана* и оттолкнет часть повстанцев от борьбы с правительством.

После выхода российских войск в 1989 г. власть Наджибуллы оставалась прочной и даже пользовалась поддержкой масс. Но в октябре 1991 г. президент России Б.Н. Ельцин принял решение прекратить всякую помощь афганским властям. Как известно, через полгода Наджибулла был свергнут. Но в той ситуации у него не оставалось шансов устоять против моджахедов, на стороне которых стояли США, Европа, Пакистан и Саудовская Аравия².

Сегодня ситуация принципиально иная: впервые в истории сложился глобальный консенсус по вопросу афганского урегулирования, и ни одно государство не посмеет открыто выступить против согласованного плана. По существу, идея мирного урегулирования на основе коалиционного правительства Карзая имеет лишь одну альтернативу – мирное урегулирование на основе правительства другого проамериканского лидера. Ибо наличие радикального исламистского режима в Афганистане сегодня не приемлемо ни для США, ни для Евросоюза, ни для региональных или соседних государств. Значит, в случае провала *проекта Хамид Карзай* на афганской сцене появится другой персонаж: это может быть, например, знакомый миру харизматичный Гульбедин Хекматияр, если он согласится принять определенные условия; но может быть и неизвестный родовитый пуштун из Калифорнийского университета, каких американская внешнеполитическая система, несомненно, наготовила впрок.

КАКОЙ АФГАНИСТАН НУЖЕН СОСЕДЯМ?

Немало государств в мире заинтересованы в стабильном и мирном Афганистане. Правительство Карзая прилагает все усилия для привлечения в страну инвесторов. Нынешний Афганистан позволяет неплохо заработать. На обслуживании коалиционных сил озолотились многие, в основном американские, компании. Но кое-что перепадает и партнерам. Колоссальные объемы авиакеросина и бензина, необходимые для воюющей американской армии, разожгли аппетиты и стали причиной регионального ажиотажа, затем – основой для баснословных состояний, а позже – и для серии коррупционных скандалов в Киргизии, России и США.

Около 30% грузов для американского контингента в Афганистане попадают к адресатам через так называемую *северную сеть* – сеть автомобильных, железнодорожных и воздушных путей, пролегающих через Центральную Азию. Цена доставки грузов этим путем в два раза превышает расходы при их транспортировке через Пакистан. Генерал-майор Кеннет Дауд, отвечающий в Центральном командовании за материально-техническое обеспечение, прямо говорит, что истинная ценность *северной сети* заключается не в количестве контейнеров, которые можно по ней доставить, но в том, что эта сеть помогает подключить государства Центральной Азии к решению стратегических задач, стоящих перед США и Европой в Афганистане³.

Киргизия, Таджикистан и Узбекистан сдали аэропорты в аренду под западные военно-перевалочные базы. Стабильный доход приносит участникам железнодорожный транзит невоенных грузов по маршруту Латвия–Россия–Казахстан–Узбекистан–Афганистан. Американские деньги помогли сбыться чаяниям российских производителей вертолетов – теперь наши *Mi-17* летают и в Афганистане, и в Пакистане. Только вертолетные совокупные заказы США в России составили цифру в 1 млрд долл.⁴. И российская промышленность с нетерпением ожидает новых сделок.

Центр транзитных перевозок Манас в Киргизии позволяет МИД страны уверенно заявлять о поддержке антитеррористических сил в Афганистане, а Минфину получать 60 млн долл. ежегодно. В 2009 г. узбекский аэропорт Навои, задействованный в транспортировке грузов для американских войск, существенно увеличил объем перевозок, что укрепило партнерские отношения Узбекистана и США и повысило доходность аэропорта по сравнению с 2008 г. в 10 раз.

Фактически под любой проект в Центральной Азии сегодня можно получить инвестиции, если увязать его с афганской проблемой. На средства Всемирного банка и Азиатского банка развития ближайшие соседи Афганистана энергично строят малые ГЭС, линии электропередач, железные дороги – в основном на собственной территории, но – в качестве фундамента афганской стабильности.

Государства Центральной Азии соединяются с Афганистаном узами электрических цепей: Узбекистан первоначально протянул ЛЭП-220 до Кабула, а построенная в 2009 г. новая ЛЭП-500 Гузар–Сурхан протяженностью 197 км позволила повысить объемы экспорта в шесть раз и сделать Узбекистан основным поставщиком электроэнергии на территорию Афганистана. От Узбекистана не отстает Таджикистан: он также поставляет соседям электричество и строит гидроэлектростанцию мощностью в 1000 МВт на реке Пяндж. Туркменистан реконструировал свыше 300 км линии электропередачи, проходящих в северных и юго-западных провинциях Афганистана, а для бесперебойной поставки электроэнергии соседям построил на своей территории подстанции и ЛЭП протяженностью 410 км до границы с Афганистаном. Киргизия по мере сил также экспортирует в Афганистан электроэнергию, стройматериалы и рабочую силу.

Приграничная торговля носит односторонний характер: топливо, стекло, цемент и сортовое железо отгружают в Афганистан из Узбекистана; древесина и сжиженный нефтяной газ – главные товары, поставляемые из Таджикистана⁵. Препятствий на пути развития естественных торговых отношений два: сложные таможенные процедуры и отсутствие видимых встречных товарных потоков. Главный афганский товар – наркотики – пересекает границу инкогнито.

В неведомой перспективе Афганистан видится ключевым транспортным узлом между Центральной и Южной Азией. В соседних государствах плодятся проекты по воссозданию маршрутов *Шелкового пути*. Так, к 2004 г. в Центральной Азии была создана сеть шоссейных дорог протяженностью более 140 тыс. км. Сегодня почти все пути обрываются у афганской границы.

Центральная Азия всегда была заинтересована в прямом выходе на пакистанские морские порты Гвадар и Карачи, наикратчайший путь к которым пролегает через территорию Афганистана. Например, Узбекистан экспортирует 69% хлопка-сырца через иранский порт Бендер-Аббас⁶. В это время Пакистан вынужден закупать узбекский хлопок через третьи страны.

Для региона Южной Азии Трансафганский транспортный коридор – это прямой выход на рынки Центральной Азии, России и Китая, развитие собственной транспортной и портовой инфраструктуры, продвижение товаров на внешние рынки.

Ключевую роль в исполнении мечтаний соседних с Афганистаном государств может сыграть Китай – главный экономический партнер этой страны. Он уже начал инвестировать строительство железной дороги, соединяющей Афганистан с Таджикистаном, а далее с Китаем через наиболее стабильные северные районы Ирана. *Поднебесной* жизненно важно получить доступ к афганским минеральным ресурсам и проторить путь для своих товаров.

БУДУЩЕЕ АФГАНИСТАНА И РОССИИ

Золотой лихорадке порой оказывается подвержено и российское руководство: в январе 2010 г. Сергей Лавров озвучил предложение Москвы восстановить все промышленные и хозяйственные объекты в Афганистане, которые она когда-то строила. Финансирование при этом должно идти со стороны Запада⁷. Но России трудно пойти на такие меры без ущерба для *державности*, особенно когда с Запада звучат напоминания об уроне Афганистану за годы советской оккупации и призывы бесплатно предоставить вертолеты, восстановить дороги и заводы, выделить средства на борьбу с наркотрафиком.

России было бы по силам внести свой финансовый вклад в афганское мирное урегулирование. Но Кремль не желает оставаться в этом деле на вторых ролях, в качестве

исполнителя чужих стратегий. Хранящая советскую гордость часть российской элиты считает, что России не пристало становиться *пешкой* в регионе, судьбы которого не так давно определяло ныне здравствующее поколение советских руководителей.

Какие все-таки перспективы сулит выход коалиционных сил из Афганистана для России? Возникающая новая ситуация выглядит вовсе не так плохо с точки зрения российских интересов.

Вывод войск из Афганистана станет серьезным испытанием для репутации Соединенных Штатов на мировой арене, в это время американскому руководству понадобится моральная и техническая поддержка, в первую очередь – со стороны государств, граничащих с Афганистаном. Для России это станет возможностью проявить солидарность и укрепить партнерские отношения с США, как это случилось после событий 11 сентября 2001 г. В условиях падения интереса к Афганистану со стороны государств коалиции Москве, возможно, придется взять на себя роль неформального координатора анти-талибского блока. Будучи крупнейшим в мире держателем складированного военного имущества, Россия станет естественным источником вооружений для правительства Карзая. Первые поставки стрелкового оружия и боеприпасов уже начались.

Для России назревает потребность пересмотреть свои странные отношения с Пакистаном. Пакистан, вероятно, станет держателем основного канала связи с *Талибаном* и ключевым посредником в переговорах с его лидерами. Также он уже превратился в серьезного заказчика российских вертолетов и вооружений к ним. Афганское мирное урегулирование даст весомые стимулы для пересмотра и развития российско-пакистанских отношений. Пакистан, где проблемы безопасности будут только усугубляться, на ближайшее десятилетие может стать крупным покупателем российского оружия и специальной техники. В случае успеха мирного процесса в Афганистане и открытия транс-афганского маршрута пакистанские товары будут доходить через Центральную Азию до потребителя в России за 11 дней, а не за 45, как сегодня.

Выход США из Афганистана будет означать возрастание роли России как форпоста и проводника интересов западной цивилизации у пояса исламских государств. Проблема соперничества с Соединенными Штатами за влияние в Центральной Азии потеряет свою остроту: центральноазиатским республикам понадобится продолжительная поддержка перед лицом исламистской угрозы, исходящей из Афганистана и Пакистана. Центробежные тенденции, проявлявшиеся в ЦАР под влиянием США, Китая, Турции и Ирана, прекратятся, общая угроза вернет бывшие советские республики под опеку Москвы и, наконец, позволит ОДКБ стать реальным механизмом коллективной безопасности. За счет небольших военных поставок вооруженным силам республик российское руководство сможет почувствовать себя в привычной роли защитника братских народов. Соединенные Штаты, занятые внутренними проблемами, утратят интерес к Центральной Азии. С выходом из Афганистана для Вашингтона Центральная Азия будет значить так же немного, как до событий 11 сентября 2001 г.

Вопреки стремлению избежать бюджетных расходов, Москве придется выделить средства на инфраструктурные проекты в Афганистане. Однако это поможет Москве налаживать партнерские отношения с теми силами в Афганистане, которые имеют реальное влияние. Выделяя финансы, Москва сможет требовать отчетности, стимулировать афганскую сторону к эффективному расходованию помощи.

Россия получит возможность извлекать некоторую выгоду из участия в афганском мирном урегулировании. Москве будет полезно укреплять привязанность афганцев к российской технике. Афганский рынок вооружений, полицейских средств и специальной техники, который в другой ситуации достался бы китайским производителям клонов российских вооружений, имеет перспективы остаться за россиянами (и отчасти – за восточноевропейскими компаниями), поскольку источник финансирования будет находиться в США. Афганистан надолго обеспечит работой ремонтные предприятия и производителей запчастей.

Огромная потребность в услугах по подготовке военных, полицейских, инженеров и государственных служащих (на май 2010 г. коалиционные силы имели лишь 23% от не-

обходимого числа инструкторов⁸) позволит России открыть сеть учебных центров (в том числе – в центральноазиатских республиках, возможно, под эгидой ОДКБ) и принять на обучение в российские вузы элиту афганской молодежи.

Ситуация законсервированного конфликта вполне отвечает российским интересам. Для сегодняшней России, где элита испытывает ностальгию по советскому прошлому, выгодно заморозить существующую ситуацию, при которой нестабильный Афганистан естественным образом отсекает Центральную Азию от внешних соблазнов, угроза исламизма толкает бывшие союзные республики в российские объятия, а США и Европа оплачивают счета, связанные с зачисткой территории от талибов.

Американский сценарий вряд ли закончится *катастрофой* благодаря международному консенсусу, который почти не оставляет места для победы *Талибана*. Если катастрофа все же случится, то роль России в регионе вырастет многократно, что потребует от страны серьезных финансовых и ресурсных затрат. Пока Россия добровольно занимает место на скамейке запасных, значение нашей страны в афганском урегулировании будет находиться в обратной зависимости от степени напряженности ситуации в этой стране. То есть по мере решения афганской проблемы потребность в российском содействии будет уменьшаться.

С одной стороны, с выходом коалиционных войск Афганистан выполнит важную *миротворческую миссию*: он, наконец, перестанет быть государством, которое разделяло великие державы. Крупнейшие государства мира получат шанс объединить усилия для общей цели, и в этом будет заключаться уникальность исторического момента.

С другой, даже при активном международном содействии Афганистан едва ли сможет стать единым государством. Скорее, он на многие годы и даже десятилетия останется в состоянии *failed state*, *несостоявшегося государства*. 🐼

Примечания

¹ Sellin Lawrence. Jockeying for influence in post-U.S. Afghanistan. *UPI*. 2009, 18 December. http://www.upi.com/Top_News/Analysis/2009/12/18/Outside-View-Jockeying-for-influence-in-post-US-Afghanistan/UPI-38431261153625/ (последнее посещение – 13 сентября 2010 г.).

² Яковлев Ф. Афганистан – победа или поражение? *Сегодня.Ру*. 2009, 25 декабря. <http://www.segodaya.ru/index.php?pgid=2&partid=13&newsid=10583> (последнее посещение – 13 сентября 2010 г.).

³ Tynan Deidre. Afghanistan: US Troop Surge Likely to Fuel Financial Bonanza for Central Asian States. *EurasiaNet*. 2010, January 21.

⁴ Покупка российских вертолетов привела американских сенаторов в ярость. *AOL News*. 2010, 22 февраля. <http://www.ladno.ru/actarch/13888.html> (последнее посещение – 14 сентября 2010 г.).

⁵ Торговые отношения Афганистана с соседними странами-членами ЦАРЭС. Результаты обследования пограничных переходных пунктов в Хайратоне и Шерхан-Бандаре/Исследование Азиатского Банка развития. <http://www.carecinstitute.org/ru/uploads/events/2008/9th-TPCC/AFG-Trade-Study-paper-ru.pdf>

⁶ Ташимов Т. Коридор до востребования / *Эксперт Казахстан*. 2008, 15 сентября. № 36 (183). http://www.expert.ru/printissues/kazakhstan/2008/36/transafganskiy_transportnyi_koridor/

⁷ Федяшин А. Конференция по Афганистану: сколько стоит купить талибов? *РИА Новости*. 2010, 28 января. <http://www.rian.ru/analytics/20100128/206619142.html> (последнее посещение – 14 сентября 2010 г.).

⁸ Cordesman Anthony H. Realism in Afghanistan: Rethinking an Uncertain Case for the War. *CSIS*. 2010, June 16. <http://csis.org/publication/realism-afghanistan-rethinking-uncertain-case-war> (последнее посещение – 14 сентября 2010 г.).